

Александр Маковецкий

г. Екатеринбург

Самоцветные души

Кажется, не так давно минули те времена, когда прадеды наши на копях старались. Ну, или это с моей колокольни видится – жить-то не довелось в ту пору, а истории занятные веками живут, не старятся...

Дело это хоть и хитрое было, но дюже азартное – каждый хотел свой фарт испытать. Хозяйку на благосклонность проверить. Однако редко у кого ладилось: чаще оставляли на ямах и каменную копейку, и то, что нелёгкой крестьянской долей в хозяйстве оседало.

А уж если кто в зависимость попадал, совсем пропащий становился. Поскольку проводнички жильные в этом деле не столько к занорышу тянутся, сколько к душе человеческой.

Особенно, если душа самоцветная.

Конечно, редко такие встречаются: вместо кристаллов драгоценных всё больше или труха насыпана, или смоляки торчат – кварчики тёмноцветные. Да и те серым дымом подёрнуты.

Зряшные камешки, в общем.

Людей, камнем по-настоящему зачарованных, в то время по деревням немало обреталось: в одной Корниловой их за десяток было, а уж про Мурзинку да Нейво-Шайтанку и говорить не приходится. Горщики авторитетные, каждый со своей искрой был, со своим понятием.

Среди самоцветиков этих, по Уралу рассыпанных, один особой гранькой сверкал, переливался...

...Жил Сергей Хрисантьевич в Южаковой, на северном краю крепкой, большой деревни. Хозяйство у него не ахти какое было: небольшой покосившийся домиш-

ко, лошадёнка да огород в три сотки. Видно было, что занимался Сергей всем этим между делом, не здесь его главность была. Все помыслы его, все устремления и опыт находились в окрестных лесах, на пегматитовых жилах с топазами, бериллами, золотистыми кварцами...

Мужики тогда деревенские часто собирались: новостями поделиться, планами, надеждами, опять же. А когда половина деревни камнями промышляет, то и разговоры соответствующие. Сергей, хоть и одиночкой был, потому как характером в компанейство не вышел, но на вечерки захаживал: узнать, чем нынче Золотуха радуется, кто на мурзинские копи подался, а то и самому красное словцо вставить. Там от него впервой и слышали, как болезнь эта, каменная, к его судьбе прикипела.

...Самоцветное дело тогда на подъёме было, много крестьян по лесам искалось, жилки из земли тянуло. Как добрый камень выглядит, любой парнишка в деревне знал. Сергей тоже любопытствовал малость, но только когда кристаллы из чужих рук принимаются, какая уж здесь сказка? Не цепляли его игры каменные, в общем. Он больше по речным отмелям бегать любил, окунишкой да чебаком баловался. По Амбарке сначала, конечно, а после и по Нейве удить стал, до Шайтанки.

И вот, как-то раз слух прошёл, мол, по Алабашке, в верховья, сорога на весенний нерест зашла, на плёсах от рыбьих спин черно прямо. Ну, Сергей такой случай не мог стороной обойти, быстро в дорогу собрался: котомка и уда из можжевельника всегда в сенях наготове лежали.

Парень так рассудил – сразу в верховья идти поздно, сколько охотников до свежей рыбки уже эту весточку слышали? Верно, всё мордами вычерпали. Решил от Тагильского тракта зайти, по Алабашке вверх подняться, омутки да перекааты проверить.

Долго шёл Сергей правым берегом по извилистой, еле заметной тропке, пробиваясь иногда сквозь плотные заросли ивы, рыбака в небольших заводях. Впрочем, дело шло плохо. То ли рыба действительно

зашла выше и ещё не скатилась в едином порыве уйти обратно в Нейву, то ли вода вешняя была слишком мутная, но как ни исхитрялся Сергей, а всё было без толку.

Так, не торопясь, он и дошёл до небольшой речушки, – Крутой, впадающей слева в Алабашку.

Если кто был здесь ранее да к тишине прислушивался, знает: говор у этих мест отличный от других. Не говор, – шепоток: тихий-тихий, быстрый-быстрый... Словно кто-то, до поры невидимый, скороговорки читает, торопится.

Заслушался парень, забыл про удочку. Тогда-то и случилась на перекате первая поклёвка. Рыба взяла мощно, резко дёр-

нув можжевеловый прут. От неожиданности Сергей шагнул вперёд и, оступившись, ухнул в студёную воду. Чтобы не растянуться в речушке окончательно, он, ища опору, ухватил кусок прибрежного дёрна у самой воды и... в ладони у него остался камень.

Так и стоял Сергей, по колено в воде: в одной руке удочка с увесистой и отчаянно упиравшейся рыбой, в другой – пронизанный солнечным светом голубой кристалл.

Выбор был недолгим: бросив камень под ноги, на перекат, парень сосредоточился на сороге и через минуту краснопёрое чудо билось на берегу живым серебряным слитком.

Бережно завернув рыбину в тряпицу и упрятав в котомку, он закатал подмоченные уже штанины и зашёл на перекат, за камнем. Что там у него за название было и какую он имел редкость, то паренька мало занимало: больно уж красиво солнце его нутро высветило, за душу тронуло.

Пошарив по дну, он нахмурился – самоцвета в том месте, куда он его бросил, не было.

То ли затоптал при вываживании, то ли спихнул в омуток случайно, но камень исчез.

Покусав губы, Сергей, раздосадованный, пошёл вдоль берега назад. Недалеко отошёл, с километр всего, когда странное незнакомое чувство потери заставило его остановиться, а после и повернуть обратно. Раздевшись на месте, он зашёл в воду уже по пояс и, дрожа в холодных струях как осинový лист на ветру, принялся за поиски. Долго он бродил и шарил по дну, иногда соскальзывая в ямки и вылезая погреться у разведённого костра. Всё без толку.

Вернулся домой уже затемно, не успев похвастаться полукилограммовой рыбиной соседскому Прошке. Настроение было чернее некуда. Всё не шёл из головы этот кристалл, в Алабашке утопленный. Что-то пробежало тогда в ладонь с его матовой поверхности, просочилось в кровь.

Маялся Сергей недели две, места себе не находил. После уже и вода спала, реки в русло вошли.

Тогда, оставив дома удочку, ранним утром он снова отправился на Крутую.

Удивлялся парень себе, конечно, но ничего поделатъ не мог: какая-то неведомая сила тащила его, словно ту сорогу на перекате, против течения.

Постояв возле устья ручья, он задумчиво прошёл вдоль берега вверх, всматриваясь в каменистые косы. Вернулся и так же неторопливо проследовал вниз. Что-то неуловимо менялось в речном облике ниже переката, но что?..

Сергей присмотрелся внимательнее: вот оно! На фоне серых гранитных плит, по-

крытых местами слоем зеленоватого ила, начинали появляться более светлые пятна. Тоже камешки, но чудные какие-то: вроде как червивые, словно чёрные букашки в них набились да и окаменели.

После уже узнал, что камень этот еврейским называется, пегматитом ещё, письменным гранитом. И вроде ценности особой не имеет, для дешёвых поделок разве что, но любовь к этому родителю Уральских самоцветов с той первой встречи пронёс будущий горщик до конца своих дней.

А тогда – улыбнулся только, подивившись такому чуду.

Смекнул паренёк, что камни эти по Крутой в Алабашку попали. Значит, где-то там, к северу, и надо искать их скопление. Кто-то подсказывал ему, шептал, что вместе с ними найдёт он и гнёзда с самоцветами, про которые часто рассказывали те, кому выпадал такой случай.

Только вот что потеряет он при этом, Сергею рассказать никто не потрудился.

...Минули годы. Много вешней воды утекло в Нейву. Южаков стал настоящим горщиком, любящим каждый добытый камень беззаветно. Той любовью, что так быстротечна в понимании многих из ныне живущих, но сопровождающей этих людей незримо, всю жизнь.

Был Сергей Хрисантьевич не то чтобы совсем нелюдимом, но к любой компании относился настороженно, меряя всех одной меркой – отношением к камню. Чуть человек слабинку давал, про красненькие речь заводил в яме или на утайке попадался, горщик с тем сразу прощался, без оглядки. Так и получилось, что ко времени, когда мужчина в самый сок входит, совсем без компаньонов остался.

Находились, конечно, редкие охотники. Особенно, если добыча на Ватихе шла, где в аметистах на просвет словно морса наварено из черники пополам с вишней, да на Мокруше тоже – тяжеловесы, те всегда в цене были. А чтобы новое место какое найти или старую разведку почистить – это уж, пусть Хрисантьевич сам старается, коли интересно ему.

Уважали горщика по знаниям, к советам прислушивались, но страстной любви к камню понять не могли, за блажь принимали.

Так и прилипло к Сергею прозвище: Буканом звали, за глаза больше.

– Слышь-ко, Петруха, – Букан то наш второго дня как за Нейву убежал, всё неймётся ему, – сосед, верзила с избитым оспой лицом, делился пустозвоном с другом, Петрухой Оленем.

– Всё он вокруг Крутишки вертится, вроде ему там намазано чем, – не отставал Петруха. Вон, мужики на Мокруше работают, добрые камни поднимают, серьёзные. Видел я давеча, как Иван Васильевич подводу в город грузил: так перестук знатный стоял, аж мороз по коже.

– Букан, он букан и есть. Всё Буканицу свою ищет. – Прохор улыбнулся в усы, смакуя удачную шутку.

...Сергей, в который раз придя на Крутую, поднялся против течения быстрого ручья до того места, где в последний свой выход нашёл прозрачный, закатанный временем кристалл кварца, густого золотистого цвета. Выше, сколько ни блуждал он раз за разом, всматриваясь в тёмные струи, сколько ни бегал окрест, выискивая признаки близкой жилы, тщетно.

Присев на поваленную крепким весенним заветрием ель, нахмурился.

Южак уже давно не был тем лёгким юнцом, проводящим всё своё свободное время на реке, с удочкой. За плечами горщика были аметистовые жилы Сизиково, работа на любимой Мокруше, где добыл он свой самый заветный топаз, искристые кварцы Буженинова бора и самоцветы, самоцветы... Каждый из них был прекрасен, он до краёв наполнял душу Сергея чувством, вызывающим гордость за родную землю, острого счастья и веры в то, что его самый лучший Камень, самый цвет, ещё впереди.

Но вместе с тем, он никак не мог объяснить себе, что заставляет его брать кайло,

снова и снова возвращаясь в эти места, туда, где началась его настоящая жизнь. Крепко, видать, засел в голове тот первый, потерянный. А остался бы с ним, разделил место в котомке рядом с сорогой – что тогда?..

Долго сидел горщик, покачиваясь из стороны в сторону, в такт своим неспешным мыслям.

Сколько бы ещё времени прошло в спорах с самим собой, неизвестно, но вдруг заметил Сергей в корнях поваленного по соседству дерева пегматит. Сердце ёкнуло, отозвалось глухим ударом в голову. Не веря в такой фарт, горщик медленно подошёл к стволу, обошёл корень, край которого с пегматитовым крошевом он увидел, и остолбенел.

Из сырой, не успевшей как следует подсохнуть земли торчали куски шпата, кварца, медовых кристаллов, в переплетении корней угадывались тяжеловесы цвета неба, ямка под корнем блестела от слюды. Невозможно передать чувства, овладевшие горщиком. Не приведи Господь кому в такой момент человека со стороны наблюдать, без разума остаться можно. Чужое счастье для многих, когда наружу выплёскивается, шибко вредное бывает: враз сознание меркнет.

Впрочем, сами видели, наверное.

Про ту копь, что на месте корня осталась, горщики только через пару лет узнали, когда случайно наткнулись на неё. Тихо её Сергей работал, но выбрал основательно. Приходил сюда, только когда плохо было на душе, маетно. Помогала она ему, видно.

Долго потом народ гудел, кто при камне был: Буканицу нашли!

Враз артель соорудили, от жилы камня на камне не оставили. Но то ли тощая она оказалась, то ли работали неумело, а только самоцветов в ней более не взяли.

Так ведь, а как иначе? Копь, что душа человеческая: может и гранью сверкнуть, и пустой породой к обидчику повернуться.

Наверное, всё дело в отношении...